

О. Чухонцев

Две старых сосны обнялись и скрипят,
вот-вот упадут.

И дождь их стегает, и гнет снегопад,
но жить – это труд.

Лесбийские сестры, почти без ветвей,
жилички высот.

Одна упадет и другая за ней,
но твердь не дает.

Я ночью не сплю, и они меж собой
о чем-то не спят.

Проснусь, а они уже наперебой –
ну как? – говорят.

Щади их, ненастье, храни их в жару
и стужу, Творец.

О, скоро и я напрямик разберу
их речь наконец.

Г. Русаков

Когда играет духовой оркестр
щемящий вальс

прабабушкинских залов,
нездешних лет, давно забытых мест,
воланов, кружев, вывозных невест,

поручиков, а может, генералов —

(Он руку ей на талию кладёт.

Проходят круг, он приглашён к обеду,
но вызван в полк, она три года ждёт,
чахотка, Баден, встретились у вод...

Он не узнал, её хоронят в среду.)

тогда на стыке тела и души,

в какой-то самой беззащитной точке,

на взмахе — ах, лети и не дыши,

“Вы нынче несказанно хороши!” —

сверкнёт огонь и пробежит по строчке.

И там, на сходе этих двух начал

такой укор, такая жаль чего-то —

что старый вальс так быстро отзвучал,

что я тебя тогда не повстречал...

А нынче даже верить нет расчёта.

А. Кушнер

О здание Главного штаба!
Ты желтой бумаги рулон,
Размотанный слева направо
И вогнутый, как небосклон.

О море чертежного глянца!
О неба холодная высь!
О, вырвись из рук итальянца
И в трубочку снова свернись.

Под плащ его серый, под мышку.
Чтоб рвался и терся о шов,
Чтоб шел итальянец вприпрыжку
В тени петербургских садов.

Под ветром, на холоде диком,
Едва поглядев ему вслед,
Смекну: между веком и мигом
Особенной разницы нет.

И больше, чем стройные зданья,
В чертах полюблю городских
Веселое это сознание
Таинственной зыбкости их.

А. Кушнер

Пунктуация — радость моя!
Как мне жить без тебя, запятая?
Препинание — честь соловья
И потребность его золотая.

Звук записан в стихах дорогих.
Что точней безоглядного пенья?
Нету нескольких способов их
Понимания или прочтения.

Нас не видят за тесной толпой,
Но пригладить торопятся челку, —
Я к тире прибежал с запятой,
Чтобы связь подчеркнуть и размолвку.

Огорчай меня, постмодернист,
Но подумай, рассевшись во мраке:
Согласились бы Моцарт и Лист
Упразднить музыкальные знаки?

Наподобие век без ресниц,
Упростились стихи, подурнели,
Все равно что деревья без птиц:
Их спугнули — они улетели.

Ю. Мориц

Если б я эти годы косые
Провела на планете другой,
Я могла бы сегодня в России
Громко топнуть волшебной ногой!..

Для начала права бы качала,
Под изгнанницу сильно кося, —
Благодарность бы я получала
Уж за то, что я выжила вся.

И Россия была бы виновна
За моё на чужбине житьё,
Но прошляпила Юнна Петровна
Невозвратное счастье своё.

Не вернусь я теперь ниоткуда,
Потому что осталась я здесь
Наглядеться на русское чудо,
На его самоедскую бесь,

На его механизмы презренья
К никуда не удравшей стране,
Где по воздуху стихотворенья
Мой Читатель гуляет ко мне.

Он – поэтской Луны обитатель,
Обладатель поэтской струны,
Никуда не удравший Читатель
Никуда не удравшей страны.

Т. Кибиров

Ars poetica
Гляди! Во все глаза гляди, читатель мой!..
Ну, хоть одним глазком, хоть взгляда удостой!

Хоть краешком взгляни!.. Да нет же, не сюда!
Не на меня, дурак, чуть выше — вон туда!

Глаголу моему не хочешь — не внемли,
Но только виждь вон то, что светится вдали!

Блик, облик... Да не блик, не облик никакой,
Не Блок, а облака над тихой водой!

Всего лишь облака подсвечены слегка.
И ты на них уже смотрел наверняка.

Ну? Вспомнил, наконец? Ну, вот они, ну да!
И лишь об этом речь — как прежде, как всегда!

О как они горят, там, на исходе дня!..
Ну, правда ж, хорошо? Ну, похвали меня.

С. Гандлевский

Мама маршевую музыку любила.
Веселя бесчувственных родных,
виновато сырость разводила
в лад призывным вздохам духовых.

Видно, что-то вроде атавизма
было у совслужащей простой —
будто нет его, социализма,
на одной шестой.

Будто глупым барышням уездным
не собрать серебряных колец,
как по пыльной улице с оркестром
входит полк в какой-нибудь Елец.

Моя мама умерла девятого
мая, когда всюду день-деньской
надрывают сердце «аты-баты» —
коллективный катарсис такой.

Мама, крепко спи под марши мая!
Отцепенец, маменькин сынок,
самого себя не понимая,
мысленно берёт под козырёк.

Лета Югай

ХОРОВОД

А у старого за спиной заплечные города,
За душой семицветная башня, там потайные двери
В золотое царство, леший знает куда,
Человеку про то неведомо, остаётся на слово верить.

А молодой гибок, что ивовый прут, мягок, как лис,
У него глаза – халцедоны, губы – ножи.
Он боится сказать очевидное, голос уходит вниз,
Отплясывает фигуры, выделяет виражи.

А девица думает: я не хочу выбирать сама,
Кому я сегодня бела-хороша, кому лучше всех.
Чтение по кругу, научный спор, запредельные терема –
Та же игра-хоровод. Ток по рукам словно скрытый смех.

Называй, царевич, кто тебе в этом круге мил,
Кланяйся ниже, здоровайся крепче, слава вам и почёт!
Хочется отплясаться до полной потери сил.
Главное вовремя разойтись и обнулить счёт.

Вера Павлова

Поэт и чернь? Поэт и Черни,
“Искусство беглости”. Куда
бежать от любопытной черни,
от неизбежного стыда,
что недоучены этюды,
что парок бабьи пересуды
переорут высокий суд,
суть приговора переврут?
Я лягу в Новом Вертограде
на дно небес, на берег вод,
и белый голубя помёт
пометит две строки в тетради:
*какая скука, Боже мой,
писать онегинской строфой!*

Максим Амелин

В ночи, то страша раскатами,
то молниями глаза
высвечивая пернатыми
до самого дна, гроза,
небесного гнева яркая
возвестница наперед,
шары швыряя ли, шаркая
подошвами ли, грядет,
неведомому какому-то
верна приказу, плашмя
бросаясь в огонь из оута,
в пучину из полымя,
над мертвыми, над живущими
в оградах и без оград,
уча за райскими кущами
отверстый провидеть ад.